

И. В. ТАРАКАНОВ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАВЛИНСКОГО ДИАЛЕКТА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

(в свете экспериментальных данных)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор П. А. АРИСТЭ

Восстановление общей истории любого языка невозможно без внимательного изучения вопросов фонетического и грамматического строя территориальных диалектов во всём многообразии проявления их внутренних закономерностей. Детальное изучение диалектов особенно важно для тех языков, которые имеют молодую письменность, так как языковые факты территориальных диалектов и говоров являются наиболее важным источником изучения истории таких языков.

Удмуртский язык, входящий в состав пермской группы финно-угорских языков, также относится к числу младописьменных и в историческом отношении слабоизученных языков. Поэтому актуальность изучения его диалектов и говоров несомненна.

Диссертация посвящена описанию фонетических особенностей бавлинского диалекта удмуртского языка, представляющего собою небольшой языковой островок, примерно 4—5 тысячного удмуртского населения, проживающего на территории нынешнего Бавлинского района Татарской АССР. В виду того, что развитие данного диалекта происходило в условиях территориальной близости разнородных языков, он отличается от других диалектов своеобразием фонетических и грамматических особенностей. Процессы изживания диалектизмов и выравнивания их, т. е. процессы нивелировки и сглаживания диалектных особенностей под влиянием общенародного и всевозрастающего письменно-литературного удмуртского языка вследствие административно-политической изолированности района, происходили и происходят в нём в настоящее время медленнее, чем в центральных областях Удмуртии. Поэтому данный диалект представляет наибольший интерес для всестороннего исследования.

Фронтальному диалектологическому обследованию рассматриваемый диалект ещё не подвергался.

Задачей настоящего исследования является установление состава фонем, по возможности точное описание их артикуляции и выяснение качественных модификаций звуков в потоке речи. Вместе с тем в работе делается попытка проследить на сколько и как изменился фонетический строй данного диалекта в условиях окружения татарского и других языков за пе-

риод его самостоятельного развития, а также устанавливается отношение бавлинского диалекта к другим диалектам удмуртского языка.

Для решения этих задач в работе приводятся сопоставления фактов различных диалектов и удмуртского литературного языка, а также соответствующие формы из некоторых родственных и неродственных языков.

Акцентирование внимания лишь на фонетической стороне диалекта объясняется, с одной стороны, тем, что в рамках кандидатской диссертации оказалось невозможным глубоко рассмотреть все стороны грамматического строя исследуемого диалекта и, с другой, тем, что фонетика является одним из самых слабоизученных звеньев современного удмуртского языка. До сих пор исследователи и знатоки удмуртского языка рассмотрению фонетических особенностей данного языка зачастую не придавали должного внимания, а описанию артикуляции звуков отводили незначительное место, пользуясь при этом лишь субъективно-слуховым методом исследования звуков, в виду чего некоторые из них получили в артикуляционном отношении неправильное истолкование.

Описание звуков в диссертации велось экспериментальным методом с применением рентгенографических снимков, палатограмм, фотографий и осциллографических кривых. Объектом для экспериментальных работ послужил сам автор, являющийся носителем рассматриваемого диалекта. Наряду с этим в диссертации использованы также диалектологические записи двух экспедиций, проведенных автором летом 1956—1957 годов.

Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения.

I

Во введении и вкратце излагаются принципы и методы исследования, затем даётся подробное историко-географическое описание Бавлинского района Татарской АССР, в условиях которого протекало формирование и развитие рассматриваемого диалекта. Бавлинский диалект удмуртов распространён в четырёх деревнях Покрово-Урустамского сельсовета, в трёх деревнях Николашкинского, в трёх деревнях Потапово-Тумбарлинского, в одной деревне Удмурт-Ташлинского сельсовета Бавлинского района Татарской АССР и в двух деревнях Купченеевского сельсовета Ермакеевского района Башкирской АССР.

Ввиду того, что основная масса представителей рассматриваемого диалекта живёт в Бавлинском районе, мы условно называем его бавлинским диалектом удмуртского языка.

По данным истории заселение интересующей нас местности связано с вольной и правительственной колонизацией бывших оренбургских и уфимских земель и относится примерно к XVI—

XVIII векам. Появление удмуртов в данной местности следует приурочить к концу XVII и началу XVIII веков, причём заселение пределов Бавлинского района удмуртами происходило не одновременно. Об этом свидетельствуют общее направление колонизации края, бытующие в народе предания, сохранившиеся родоплеменные названия удмуртов и полученные на этой основе фамилии отдельных удмуртских семей, а также некоторые различия между говорами отдельных населённых пунктов, которые остались несмотря на их долголетнее сожитительство в одной местности, что показывается в диссертации на конкретном языковом материале.

Введение диссертации включает в себя также очерк истории изучения удмуртских диалектов, где даётся анализ основных работ по удмуртской диалектологии, начиная с момента возникновения удмуртской письменности. Анализ литературы об изучении удмуртских диалектов был сделан и Т. И. Тепляшиной в её кандидатской диссертации «Тыловый диалект удмуртского языка» (Москва, 1955 г.). Мы привлекаем ряд новых источников как печатных, так и рукописных.

II

В первой главе диссертации определяется звуковой состав бавлинского диалекта, проводится классификация звуков по активному органу речи (языку) и даётся качественная характеристика гласных и согласных в отдельности.

В бавлинском диалекте имеется 9 гласных фонем, вместо 7 фонем литературного языка. Их можно представить в виде следующей таблицы:

Ряд	Лабильность	Передний	Средний	Средне-задний	Задний
Подъём					
Верхний	лабиализованный нелабиализованный	— <i>i</i>	<i>ü</i> —	— —	<i>u</i> —
Средний	лабиализованный нелабиализованный	— <i>e</i>	<i>ø</i> —	— <i>ə</i>	<i>o</i> —
Нижний	лабиализованный нелабиализованный	— <i>[a]</i>	— —	— —	— <i>a</i>

Примечание к таблице: В квадратную скобку заключена фонема, употребляющаяся только в речи «некрещеной» части населения, проживающей в населённых пунктах Измаилово (Пыкет) и Удмурт Ташлы.

Среднерядная фонема *ǰ* верхнего подъёма и переднерядная *ǎ* в литературном удмуртском языке отсутствуют.

Фонема *ǝ* отличается от соответствующего литературного неогублённого *õ* своей лабиализованностью и более передним образованием, а звук *ǣ*, в отличие от литературного среднерядного *ы*, в своём образовании несколько отодвинут назад и является звуком средне-заднего образования среднего подъёма. Акустически он представляет звук, средний между русскими *ы* и *а*, тогда как литературное *ы* более близко по звучанию к *і*. Одной из отличительных особенностей данного звука является ещё то, что в количественном отношении он очень краток, вследствие чего в неударном положении часто подвергается редукции, доходя иногда до полного исчезновения. Такое явление обусловлено, по нашему мнению, не напряжённым, весьма свободным его произношением по сравнению с другими звуками. Поэтому во многих случаях эта ненапряжённость приобретает характер редуцированности, особенно в позиции неударного слога. Остальные гласные в безударном положении редукции не подвергаются, так как ударение в удмуртском языке на качество гласных почти не влияет. Поэтому удмуртские гласные, в отличие от русских гласных, характеризуются чёткостью произношения как в ударном, так и в безударном положениях. Качество гласных в удмуртском языке мало зависит и от характера слога (от открытости или закрытости слога) а также от качества соседних звуков. В этом отношении, пожалуй, несколько отличается лишь звук *e*, который в абсолютном начале и в исходе слова, а также в позиции после непалатальных согласных и гласного *ǎ* имеет более открытый характер, чем, например, в русском языке. В указанных позициях *e* акустически занимает как бы промежуточное положение между русским *э* и татарским и эстонским переднерядным *ä* (тат. орф. *ә*). Кроме того, гласная фонема *ǰ* не может употребляться в соседстве с широкими гласными *о*, *а* (*šǰe* «говорит», но *šuo* «говорят», *kǰnǎ* «ткать», но *kiо* «ткнут»).

Звуки *и*, *о*, *а*, *і* по своим акустико-артикуляционным особенностям ничем не отличаются от соответствующих звуков литературного языка.

Консонантизм бавлинского диалекта характеризуется 28 звуками, являющимися самостоятельными фонемами.

Классификацию согласных, проведённую с учётом участия голоса и шума, места и способов образования, а также палатальности и непалатальности их, вкратце можно иллюстрировать следующей таблицей:

Участие голоса и шума	Место обра- зования		Губные		Язычные			
			губно- губные	губно- зубные	передне- язычные	средне- язычные	задне- язычные	передне- средне- язычные
Способ обра- зования								
шумные согласные	Смычные	звонкие	<i>b</i>		<i>d</i>		<i>g</i>	<i>d'</i>
		глухие	<i>p</i>		<i>t</i>		<i>k</i>	<i>t'</i>
	щелевые	звонкие		<i>v</i>	<i>ʒ, z</i>	<i>j</i>		<i>z'</i>
		глухие		<i>f</i>	<i>ʃ, s</i>		<i>x</i>	<i>s'</i>
	смычно-ще- левые или аффрикаты	звонкие			<i>dʒ</i>			
глухие				<i>tʃ, ts</i>				
согласные	носовые	звонкие	<i>m</i>		<i>n</i>		<i>ŋ</i>	<i>n'</i>
	неносовые	звонкие			<i>l, r</i>			<i>l</i>

Рассмотрев приведённый в таблице перечень звуков, нетрудно заметить, что в отличие от литературного языка в описываемом диалекте отсутствуют переднесреднеязычно-палатальные аффрикаты *dʒ'* (*ǰ*) и *tʃ'* (*č*). В ходе самостоятельного развития бавлинского диалекта эти звуки исчезли, т. е. заменились другими, акустически близкими им переднесреднеязычно-палатальными звуками *d', t'*. В исходе слова и слогов аффриката *tʃ* заменилась звуком *ʃ* (*kes'* вместо *ketʃ* в других диалектах).

Для удобства рассмотрения артикуляторная характеристика согласных в диссертации проводится по группам, объединённым по их общим артикуляционным признакам.

В группе губных согласных рассматриваются звуки *b, p, m, v, f*. По своим акустико-артикуляторным особенностям они ничем не отличаются от соответствующих звуков литературного удмуртского языка. Первые три согласных являются губно-губными, два последних губно-зубными. Из трёх звонких губных согласных (*b, v, m*) два (*b, v*) ограничены в своём употреблении. В исходе изолированного слова и в исходе слогов перед глухими согласными они не встречаются, т. е. в указанных фонетических условиях они подвергаются оглушению. Глухая фонема *p* в интервокальном положении по аналогии тюрко-татарских слов иногда озвончается.

Губно-зубная фонема *f* принадлежит к числу звуков, исторически нехарактерных для удмуртского языка. Поэтому, в заимствованиях наблюдается замена *f* звуком *p*, а в слове фуфайка начальное *f* иногда заменяется звуком *k* (*ponar* «фонарь», *kufajkə* «фуфайка»).

Для согласных *d, t* общим является то, что они образуются путём смычки кончика языка с верхними зубами и нижним краем альвеол. Фонема *d* отличается от соответствующего глу-

хого *t* наличием голоса и несколько ограниченным употреблением, т. к. в исходе слова и в исходе слогов перед глухими согласными она не встречается.

Фонема *n*, в отличие от них, произносится смычкой кончика языка с альвеолами при одновременном опускании нёбной занавески, в связи с чем воздушная струя проходит через полость носа. Поэтому она характеризуется как носовой нёбно-зубной согласный звук. В употреблении она не ограничена.

Звонкие щелевые *ž* и *z* относительно употребления занимают в удмуртском языке особое положение, так как, в отличие от других смычных звонких согласных, они могут употребляться и в конечной позиции, даже в пределах изолированного слова. В середине слова они могут употребляться также в соседстве с глухими согласными (*lāz* «синий», *pāž* «лодка», *kāžžātānā* «искривить, накренить», *kāžtek* «без ёлки»). Случаи полного оглушения их в позиции перед глухими согласными нами зафиксированы лишь в немногих словах.

В артикуляционном отношении звуки *ž*, *z* и соответствующие им глухие щелевые *š* и *s* ничем не отличаются от литературного удмуртского *ж*, *з*, *ш*, *с*.

Фонема *l*. Характерной особенностью фонемы *l*, относящейся также к переднеязычным щелевым согласным, является то, что в отличие от других щелевых согласных при образовании её звучащая воздушная струя проходит не прямо, а по бокам языка. Употребление *l* зафиксировано нами во всех позициях слова.

Фонема *r* характеризуется как переднеязычный дрожащий звонкий согласный звук. Употребление *r* в абсолютном начале слова удмуртскому языку не характерно. В указанной позиции он встречается лишь в ограниченном количестве слов, заимствованных из других языков.

Аффрикаты. К аффрикатам относятся звуки *dž*, *tš* и *ts*, состоящие как бы из двух слитнопроизносимых звуков, которые образуются из соединения элементов смычного и соответствующего щелевого согласного. Но как щелевой, так и взрывной элемент в них очень краток, а потому они рассматриваются как единый звук и являются самостоятельными фонемами.

Фонема *dž* встречается, главным образом, в абсолютном начале слова. Употребление его в середине слова наблюдается только в позиции после сонорного согласного *n* и в сложных образованиях (*kanđžaskānā* «спотыкнуться, запнуться», *kenđžānā* «загореться, воспламениться», *penđžak* < рус. пиджак, *kenđžal* < рус. кинжал, *kōtđžož* «печаль, горе»). В абсолютном исходе слова *dž* совершенно не употребляется.

А ффриката $tʃ$ чаще всего встречается в абсолютном начале слова. В середине слова она встречается лишь в интервокальном положении. В абсолютном конце слова $tʃ$ в рассматриваемом диалекте употребляется весьма редко, тогда как в диалектах удмуртов, проживающих в средних районах Удмуртии, данный звук широко употребляется и в абсолютном исходе слова. Больше можно встретить примеров с конечным $tʃ$ и в литературном языке. На месте литературного ($\text{л}^{\text{ш}}\text{ч}$) в исходе слова в бавлинском диалекте часто выступает $ʃ$ (*puʃ* вм. лит. пуч «жердь», *pukʃ* мв. лит. пукыч «лук»).

Фонема ts в исконно удмуртских словах не встречается. Употребление ts наблюдается лишь в более новых русских заимствованиях, проникших в язык за годы Советской власти. В старых русских заимствованиях, частично и в новых, он соответственно заменяется звуком t' или звуком s , а в середине слова — сочетанием $t+s$ (*terək* < рус. церковь, *sether* < рус. центнер, *revolutsi* < рус. революция).

Среднеязычный j является щелевым звонким согласным. Он имеет два варианта произношения: в первом варианте выступает в виде согласного j (*vajānā* || *vajnā* «принести, привезти»), во втором — в виде неслогового i (*ašūi* «мох»).

В абсолютном начале слова первоначальное j последовательно заменяется переднесреднеязычно-палатальным d' (*d'ər* вм. литературного йыр «голова»).

Заднеязычные согласные представлены звуками η , g , k , χ . Из них первые 3 согласных являются смычными, фонема χ — щелевым. Последний звук не является характерным для коренных удмуртских слов.

Фонема η представляет собой смычный звонкий носовой сонант — специфический звук бавлинского диалекта. В литературном удмуртском языке данный звук отсутствует. В диалектах северных и средних удмуртов он заменяется соответствующими носовыми согласными m , n , n' . Употребляется η исключительно в исходной позиции слогов: или в конце слова, или внутри слова перед согласными g и k . Встречается он также в интервокальном положении в середине слова. В начальной позиции, а также в словообразовательных и словоизменительных аффиксах заднеязычный η не встречается.

Фонемы g и k артикуляторно совпадают с соответствующими согласными литературного удмуртского и русского языков.

Фонемы d' , z' , l' , n' , s' , t' выделяются в особую группу. Вслед за профессором В. И. Лыткиным и Т. И. Тепляшиной мы их называем переднесреднеязычно-палатальными звуками, так как эти звуки по артикуляции коренным образом отличаются от соответствующих непалатальных согласных. При произнесении

рассматриваемых согласных кончик языка опускается к нижним резцам, за исключением *l'*, а спинка языка занимает как бы промежуточное положение между переднеязычными согласными и среднеязычным *j*, являющимся средненёбным согласным. В диссертации даётся также критический анализ работ удмуртских языковедов, считавших переднесреднеязычно-палатальные согласные палатализованными и переднеязычными, имеющими лишь некоторый «уклон» к среднеязычности.

III

Вторая глава диссертации посвящается рассмотрению модификаций звуков в потоке речи. Сначала под рубрикой «Изменение звуков в речевом потоке» описываются отдельные, мелкие, неуловимые ухом изменения звуков, происходящие в речи под влиянием соседних звуков и занимаемых ими позиций. Например, показывается, что переднеязычные и губные согласные перед узкими гласными частично палатализуются, нелабиализованные согласные перед огублёнными гласными лабиализуются, гласные в соседстве с носовыми согласными назализируются.

Отмечается ещё изменение звуков по месту образования (по ряду и подъёму языка), так как переднеязычные согласные перед гласными заднего ряда при произнесении несколько отодвигаются назад, а заднеязычные перед гласными переднего ряда — продвигаются вперёд. Подобное изменение происходит также при образовании гласных звуков. Гласные переднего ряда после согласных заднеязычного образования обычно оттягиваются назад, гласные же заднего образования в позиции после переднеязычных согласных оказываются подвинутыми вперёд.

В отношении подъёма языка изменению подвергаются, главным образом, гласные звуки. Соседние согласные могут влиять на гласный звук так, что язык при образовании его в зависимости от качества предшествующего согласного может занимать несколько более высокое или более низкое положение по сравнению с тем, какое он занимает при произношении его в изолированном виде.

Вместе с тем в диссертации показывается, что все эти изменения в речи носят минимальный, лишь фонетический, а не фонематический характер, так как они, образуя лишь разновидность, не затрагивают звука в целом и лишены различительной функции звуковой оболочки слов и формантов.

Под заголовком «Ассимиляция звуков» рассматриваются более крупные звуковые изменения ассимиляторного порядка, а именно: уподобление звуков по признаку звонкости или глухости, палатальности и месту образования, а также отдельные звукопереходы, происходящие в рядах как однородных фонем — гласных или согласных, так и разнородных фонем, т. е. между гласными и согласными.

Детальный анализ и рассмотрение звуковых особенностей позволило нам выявить следующие звуковые закономерности в развитии бавлинского диалекта:

1. Звонкие согласные перед глухими согласными в середине слова и в абсолютном исходе изолированного слова оглушаются. Наблюдаются и обратные явления, т. е. звонкие согласные могут ассимилировать глухие. Поэтому во всех тех случаях, в которых сочетаются друг с другом согласные в середине слова совпадают по признаку звонкости или глухости, они развились или из разнородных по звонкости и глухости согласных, или восходят к этимологически однородным звукам. Если же в словообразованиях к столкновению приходят этимологически разнородные в этом отношении фонемы, то в преобладающем большинстве случаев происходит уподобление одного звука другому. При этом ассимиляция по глухости действует чаще, чем ассимиляция по звонкости (*zõktala* «толщина», *džuzdala* «высота», *vittõn* «пятьдесят», *vättänâ* «уложить»).

2. Переднеязычно-палатальные согласные *d'*, *t'*, восходящие к первоначальным аффрикатам *d'z'* и *t's'*, часто ассимилируют предшествующий согласный, вследствие чего сталкивающиеся два разнородных в качественном отношении звука становятся оба палатальными: *bun'dänâ* «измочалиться» (из *bun* «мочало»), *ottâ* «туда» (из *ottšâ* в том же значении).

3. Среднеязычный *j*, входящий в состав инфинитивных форм глаголов второго спряжения, а также в состав аффикса множественного числа на *jõs* нередко уподобляется предшествующим *l'*, *n'* и *z'*: *piññanâ* «зазубрить, вставить зубья» вм. *piñjanâ* (из *piñ* «зуб»), *pellõsse* «уши свои» вм. *peljõsse* (*pel'* «ухо»), *ležžang* «кидать, разбрасывать, швырять» вм. *ležjanâ*.

Подобная ассимиляция в описываемом диалекте происходит иногда и после непалатальных согласных *l*, *n*, *d*, предварительно смягчившихся под влиянием последующего *j*: *val* «лошадь, конь» — *vallõs* «лошади, кони» вм. *valjõs*; *duññanâ* «оценить» вм. *dunjanâ*; *gü'dänâ* (многократная форма) «копать, рыть», ср. *gü'dänâ* в том же значении.

В части диалектов удмуртского языка ассимиляция *j* с предварительным смягчением предшествующего согласного происходит лишь в аффиксе многократного действия на *-l'la-*, возникшего из первоначального *-lja-* (*verallanâ* «говорить, рассказывать» из *veraljanâ*).

4. Перед заднеязычными *g* и *k* переднеязычный носовой сонант переходит в заднеязычный гуттуральный *ŋ*; *grõŋka* (из < рус. гривенка) «фунт», *porõŋka* (из < рус. попонка, попона). Отдельные случаи ассимиляции звуков по способу и месту образования наблюдаются и в словах типа: *kurkkänâ* (из *kurtkänâ*) «выт-

трясти, встряхнуть», *pal'kkaškānā* (из *pal'tkaškānā* «плескаться», *ummo* (из < чув. *ulma, olma*, лит. улмо «яблоко») «картофель» и др.

5. Уподобление гласных происходит, главным образом, в плане лабиализации звуков, но иногда ассимиляции могут подвергаться и другие звуки. Действие такого порядка ассимиляции проявляется обычно в двух- и реже в трёхсложных образованиях, распространяясь, главным образом, на гласные основы. На словообразовательные и словоизменительные аффиксы оно не распространяется: *oītot* (из *oī todā*) «не знаю», *gřoktanā* (из *gřektšanā*) «обмануть», *šākāi* (из *šikāi*) «волосатик», *luo* (из *lua*) «песок», *d'ubo*, лит. *юбо* (из < чув. *juba*) «столб», *šulo* (из < чув. *šola*) «кнут», *tāpā* (из *tāpu*) «дуб» и др.

6. В позиции перед переднесреднеязычно-палатальными согласными *s', z', l', n', d'* и среднеязычными *j* происходит замена первоначального *ä* узким гласным *i*, но наиболее регулярно осуществляется такой звукопереход перед звуками *j* и *š*: *vil'* (лит. выль) «новый», *piš* (лит. пызь) «мука», *tatiš* (лит. татысь) «отсюда», *pūnijos* (лит. пуныос) «собаки», *intijān* (лит. интыын) «на месте».

Ассимиляторное воздействие *j* иногда распространяется и на другие звуки, в частности, на широкие гласные *a, o, e*, которые также, оказавшись перед аффиксальным *j* при словообразовании и словоизменении, переходят в узкий гласный *i*, например: *aštijos* вм. *ašteos* «вы сами», *sije* вм. *soje* «его», *kinliš* вм. *kinleš* «у кого», *tañtije* вм. *tañi taje* «вот это».

7. Заднеязычное *u* в первом слоге слова под влиянием соседних переднесреднеязычно-палатальных согласных и *j* переходит в палатализованное *ü*: *šūs* (лит. сюсь) «воск», *ūi* (лит. уй) «ночь», *kūñan* вм. *kiñan* «телёнок».

8. В соседстве с губными согласными переднеязычное *e* переходит в лабиализованное *ö* в словах: *böriš-böriš* «гуськом, один за другим, порядком» (из *ber* «зад»), *šöñña* < рус. семья, *döñmäš* (лит. емыш) < тат. *jämiš* «плод, фрукты».

9. Согласные *p, t, t', k* при словообразовании словоизменении, попадая в интервокальное положение, озвончаются. Данный фонетический закон с наибольшей регулярностью действует в тюрко-татарских заимствованиях, так как озвончение глухих согласных в интервокальном положении для тюркских языков — явление закономерное. В словах же удмуртского происхождения в преобладающем большинстве случаев в позиции между гласными происходит не озвончение конечного глухого согласного основы, а восстановление первоначальной звонкости, исторически утраченной вследствие положения его в исходе слова или в середине слова перед глухими согласными: *šego* «с недостатком, не

честный» (из < тат. *şik* «недостаток, изъян»), *majǵen* «колышком» (из < чув. *majak* «кол»), *odigen* «по-одному» (произносится *odik* «один»).

10. На стыке первого и второго слогов, а также в абсолютном исходе односложных и двусложных образований в позиции после узкой гласной *i* происходит палатализация переднеязычных *n*, *d*, *t*: *kiń* (лит. кин) «кто», *śiń* (лит. син) «глаза», *gil'* (лит. гид) «хлев», *puñit* (лит. пумит) «против».

11. Наконец, лишь в трёх словах в переходном (prosektiv) и предельном (terminativ) падежах перед *i* отмечается замена этимологической непалатального согласного *t* переднесреднеязычно-палатальным *t'*: *o'i* «там, по тому месту», *ta'i* «здесь, по этому месту», *kāti* «где, по какой местности», *o'ioś* «до тех пор», *ta'ioś* «до сих пор», *kātioś* «докуда» вместо первоначального *o'i*, *tati*, *kātl*, *otioź*, *tatioź*, *kātioź*. В других словах в том же положении переднеязычный *t*, предшествующий гласному *i*, никаким изменениям не подвергается (ср. *uramt'i* «по улице»), т. к. палатализация согласных в позиции перед узкими гласными в большинстве случаев носит в удмуртском языке лишь минимальный характер.

IV

В третьей главе рассматриваются явления элизий и вставки звуков, происходящих в различных позициях слова.

Как и общенародному удмуртскому языку, описываемому диалекту в абсолютном начале слова не свойственно сочетание двух или нескольких согласных, а также употребление согласного звука *r*. В устах большинства представителей диалекта перед группой шумных согласных или между ними часто появляется так называемый протетический или эпентетический узкий гласный, обычно *э* или *и*. Наиболее регулярно они выступают в старых русских заимствованиях, в том числе и в собственных именах: *iskārt* < рус. скирда, *āškol* || *škol* < рус. школа, *is't'op*, *istapan* < рус. Степан, *kulup* || *kālup* || *klup* < рус. клуб.

Аналогичная вставка гласных наблюдается также в конечном слоге основы собственно удмуртских и заимствованных слов, в которых встречаются этимологические сочетания взрывных или щелевых согласных с сонорными *r* или *l*: *mārāk* (лит. мырк) «пень», *paris* (лит. парсь) «свинья», *tolāk* < рус. толк.

В середине слова в качестве вставочных звуков нередко выступают согласные *m*, *n*, *k* и *t*, входящие в состав первоначальной группы согласных, исторически разрушенной вследствие её положения в исходе слова. Они обнаруживают себя в настоящее время лишь в производных словах, образованных из однослож-

ных или двусложных корней, например: *kūñ* (лит. куинь) «три» — *kūñmeti* (лит. *куиньметү*) «третий», коми *койм*, эстонск. *kolm*, мордовск. *колмо*, финск. *kolme*; *kūs* (лит. кус) «поясница» — *kūškān* «в пояснице», коми *кос* (*коск*), эстонск., финск. *kesk*, *keske* «средний, центральный»; *kāk* «два» — *kākteti* «второй» марийск. *коктыт*, финск. *kahte* «два».

В середине слова рассматриваемые звуки иногда появляются по закону аналогии: *d'es* (лит. *žеч*) «хороший, добрый» — *dėškān* (лит. *žечкын*) «по хорошему, по добру, по здорову»; *bādes* «целый, полный» — *bādeskān* «целиком, полностью».

Специальный раздел диссертации посвящён также случаям выпадения звуков и слогов.

В удмуртском языке есть определённая категория слов, в которых в одних случаях в позиции второго слога гласные звуки выступают, в других они опускаются. Такое опущение (выпадение) гласных второго слога наблюдается в прилагательных, наречиях образа действия и в некоторых существительных, образованных от основ глаголов или от других двусложных имён с основой на *r*, *l*, *l'*, когда к ним присоединяются словообразовательные аффиксы *-o*, *-es*, *-ak*, *-et*: *kongro* «кривой, согнутый» от *kongārtānā* «зацепить крючком», *pitres* «круглый» от *pitārtāne* «катить, скатить», *kotrak* «кругом» от *kotārtānā* «окружить».

Выпадение гласных в позиции второго слога происходит также в словах, имеющих в составе последнего звуки *ä* и *e*. Эти гласные подвергаются выпадению лишь в том случае, если находятся в положении между согласными, из которых один является сонорным (*r*, *l*, *l'*, *m*), или взрывным (*d*, *t*, *k*), или щелевым (*ž*, *š*, *s*), и если к ним прибавляется словообразовательный аффикс, начинающийся с гласного звука: *kužām* «сила» — *kužmo* «сильный», *erāk* «свобода» — *erkān* «свободно», *kutes* «цепь» — *kutsanā* «молотить», *pil'em* «облако» — *pil'mo* «облачный». Однако выпадение указанных гласных как в производных именах, так и в глаголах не носит более или менее регулярного характера.

Выпадение слогов чаще всего наблюдается в сложных словах и несколько реже в притяжательных местоимениях и в некоторой категории возвратных глаголов: *vūškānā* в м. *vutiškānā* «успеть», *ašmen* в м. *ašmelen* «наш, у нас, у самих», *pišai* из *pešai* < *peres* *anaī* «бабушка», *sere* из *sobere* «потом», *arñannal* из *arña nunal* «воскресенье».

Отпадение конечного гласного основы наблюдается, главным образом, перед начальными гласными *a*, *i*, *o* следующего слова. При стечении гласных на стыке двух слов элизии обычно подвергается первый и происходит как бы слияние двух лексем в одно

целое, ср. например: *pukš'ali** «присядь-ка» из *pukšā ali*, *mištisk'in||mištisk'ini* «умывайся уж» из *mištiskā inl*, *miša'gai* «Дядя Миша» из *miša agai*, *oz'ik* «так, даром, бесплатно», из *ozā ik*, *tiŋ'otān* «вон там» из *tiŋi otān*, *so tattā ōz lākt-a?* «Он сюда не приходил?» из *ōz lāktā-a?*

Наибольшее количество случаев отпадения конечных гласных основы слов нами зафиксированы в словах русского происхождения, в которых ударение оригинала сохранило своё место. Следовательно отпадение конечных гласных в них обусловлено их безударным положением: *brigat* из < рус. бригада, *škoi* из < рус. школа, *itar* из < рус. гитара, *gramāt* из < рус. грамота и др.

В конце главы даётся описание отдельных эпизодических явлений выпадения согласных, происходящих в различных позициях слова.

V

Четвёртая глава посвящена рассмотрению природы удмуртского ударения. Словесное ударение в бавлинском диалекте, как и в общенародном удмуртском языке, фиксированное и падает, главным образом, на гласный последнего слога. Перестановка основного ударения с последнего слога на гласный первого слога происходит лишь в словах, носящих в речи определённый экспрессивно-эмоциональный характер (при выражении повеления, приказа, вопроса, призыва, удивления, звукоподражания, усилении интенсивности признака и т. д.). По своей природе удмуртское ударение является выдыхательно-долготным, так как ударяемый слог произносится в слове более высоким тоном и несколько длиннее, чем безударные гласные. Однако длительность ударного гласного сравнительно с безударным не может быть в удмуртском языке использована для различительных целей, как это мы наблюдаем в родственных удмуртскому языку эстонском, финском и некоторых других финно-угорских языках, поскольку в нём нет такого фонетического положения, в котором различались бы одни и те же гласные с большей или меньшей длительностью, т. е. в нём нет фонематически противопоставленных долгих и кратких гласных. Кроме того, по сравнению с русским ударным слогом как по выдыхательному моменту, так и по долготе ударяемые гласные в удмуртском языке лишь немногим превосходят остальные гласные слова. Поэтому ударение на качество гласных почти не влияет.

---

* В знак элизия мы ставим апостроф.

В завершающей пятой главе кратко излагается история отдельных специфических звуков бавлинского диалекта, в частности, гласных *ǝ*, *Ǟ*, *ǣ* и согласных *ŋ* и *j*.

Поскольку лабиализованная фонема *ǝ* имеет определённое соответствие и в коми-язвинском диалекте коми языка, то автор возводит её вслед за проф. В. И. Лыткиным* к общепермскому языку-основе. Древнее пермское *ǝ* оглублённым считал и Д. В. Бубрих.**

Фонема *Ǟ*, встречающаяся лишь в окраинных диалектах удмуртского языка, по мнению диссертанта, тройкого происхождения:

1. В соседстве с переднесреднеязычно-палатальными согласными и среднеязычным *j*, а также в соседстве с узкими гласными *e* и *i*, она развилась из заднеязычного *u* под ассимиляторным воздействием первых.

2. В тюрко-татарских заимствованиях как в чувашских, так и в татарских в большинстве случаев *Ǟ* восходит к древне-тюркскому *ǰ*, претерпевшему в ходе исторического развития последних известное изменение, благодаря чему в современных чувашском и татарском языках бавлинскому *Ǟ* иногда соответствуют другие звуки.

3. В соседстве с непалатальными согласными в исконно удмуртских словах она восходит к общедревнепермскому закрытому *ǝ*, сохранившемуся в чистом виде лишь в верхне-сысольском диалекте коми языка. В коми-язвинском диалекте, считающемся наиболее архаическим в отношении звукового строя, бавлинскому *Ǟ* последовательно соответствует ударное *Ǚ*, тогда как бавлинскому заднеязычному *u* в этих диалектах регулярно соответствует общекоми открытое *o*.***

Что же касается происхождения среднезаднеязычного *ǣ*, то следует сказать, что в ходе исторического развития бавлинского диалекта оно могло незначительно измениться, продвинувшись в артикуляционном отношении несколько вперёд, так как за первоначальный вариант автор склонен принимать заднеязычное *ʋi*, которое широко употребляется и в настоящее время в окраинных и

* В. И. Лыткин. Историческая грамматика коми языка, ч. I, Сыктывкар, 1957 г., стр. 94—96.

** Д. В. Бубрих. Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск, 1948, стр. 33.

*** См. В. И. Лыткин, Erkki Itkonen. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den Permischen Sprachen. — Вопросы языкознания, № 3, 1956, стр. 138—144.

периферийных диалектах удмуртского и коми языков, сохранивших наиболее древние черты звукового строя этих двух языков.

Заднеязычный η , встречающийся в говорах удмуртов, проживающих в юго-западной и южной частях Удмуртской АССР, а также в говорах удмуртов Татарской, Башкирской республик и Кировской области, имеет глубокие исторические корни. Как известно, он берёт своё начало ещё от общефинно-угорского языка-основы*. Из ныне существующих финно-угорских языков его сохранили лишь немногие: марийский, мордовский, хантыйский, мансийский, саамский языки и южные и периферийные диалекты удмуртского языка. Во всех остальных финно-угорских языках, а также в диалектах северных и средних районов УАССР, фонема η исчезла. При исчезновении этот согласный в части диалектов удмуртского языка, а также в коми языке заменился: в соседстве с переднерядными гласными — палатальным n' , в соседстве с другими гласными носовыми n и m .

Среднеязычный j в рассматриваемом диалекте претерпел значительное изменение, заменившись различными звуками. В абсолютном начале слова первоначальное j перешло в переднесреднеязычно-палатальный d' (*d̄ar* вм. *j̄ar* «голова»), а в позиции перед заднеязычными g , k — в l' (*luḡat* вм. *juḡat* «светло»). Эти звуковые явления диссертант считает продуктом более позднего развития данного диалекта. Переход j в d' и l' объясняется, по предположению автора, артикуляционной близостью фонемы j к переднесреднеязычно-палатальным согласным.

VII

В заключительной части даются краткие выводы основных положений диссертации и на конкретном языковом материале устанавливается, что бавлинский диалект имеет определённую связь с говорами южных удмуртов, в частности, с говорами современных можгинских и алнашских удмуртов. Сходство между этими диалектами в фонетическом отношении выражается:

- в сохранении заднеязычного η ;
- в палатализации согласного n в позиции после гласной i (*śiń* вм. *śin* «глаза»);
- в замене $\eth$ (ϵl) в позиции перед палатальными согласными гласным i (*vil'* вм. *v̄al'* «новый»);

---

* См. A. Penttilä. Der Vertretung des urpermischen inlautenden η im heutigen Syrjänischen und Wotjakischen. — Finnisch-ugrische Forschungen, Bd. XVIII, Heft 1—3, Helsinki, 1927, стр. 108.

— в сохранении аффикса *-isk-* в возвратных глаголах, в которых в других диалектах произошла деформация или выпадение его;

— в употреблении *ǝ* после взрывного заднеязычного *g* и в позиции после шипящих *ž, š*, а также аффрикаты *dž* (*ǝǝne* «лишь, только», *žǝlǝ* «цепь»);

— в замене начального *j* перед *g, k* следующего слова звуком *l* (*lugǝt* вм. *jugǝt* «светло»);

— в недопущении в исходе слова употребления аффрикаты *dž* и весьма ограниченном употреблении *eǝ* в середине слова (*už* «работа», *džažǝ* «полка») и др.

Эти сходные черты несомненно, объясняются единством происхождения, что убедительно доказывается сравнительным изучением диалектов. Исторические и этнографические данные вполне подтверждают эту связь.

Вместе с тем рассматриваемый диалект отличается от современных говоров южных удмуртов наличием некоторых специфических звуков и представляет собою в звуковом отношении более выдержанную, более органическую систему. Бавлинский диалект, отпочковавшись от основной массы удмуртского населения, в условиях иноязычного окружения как бы законсервировал древние черты звукового строя некогда единого диалекта. Свидетельством этому является наличие в его звуковом составе заднеязычного *ŋ* и полное совпадение системы гласных с вокализмом коми-язьвинского диалекта, считающегося наиболее архаическим диалектом коми языка.

Что же касается новых элементов в бавлинском диалекте, то они могли возникнуть в более позднее время, являясь результатом самостоятельного развития его, ибо язык вообще и каждый говор как средство общения людей на определённой территории развивается по своим собственным внутренним законам. Так, анализ языкового материала показывает, что развитие бавлинского диалекта пошло по линии дальнейшей палатализации согласных, что менее характерно для большинства диалектов коми и удмуртского языков. Получив импульсы от говоров своих предков отдельные языковые явления, бавлинский диалект развил дальше, доведя иногда до значения закономерности.

Наконец, бытуя в течение нескольких веков в окружении других народностей данный переселенческий говор не мог быть свободным и от влияния извне. Появление таких языковых особенностей, как озвончение этимологически глухих согласных, происходящее в интервокальном положении, наличие переднерядного *ǝ* в говорах двух селений, нельзя объяснить ничем иным, как влиянием татарского языка. Наибольшее влияние татарского

языка обнаруживается в области лексики и словообразования бавлинского диалекта.

Развиваясь по своим внутренним законам и испытывая некоторые влияния со стороны окружающих его языков, бавлинский диалект приобрёл, таким образом, некоторые новые качества, совершенно отличные от других удмуртских диалектов, вместе с тем сохранил и древние черты звукового строя удмуртского языка.

**Основные положения диссертации опубликованы
в следующих статьях**

1. Некоторые фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (резюме на эстонском и немецком языках). «Труды по языкознанию». — Ученые записки Тартуского государственного университета, 1959, выпуск 77, стр. 186—205.
2. Об ударении в удмуртском языке (резюме на эстонском и немецком языках). «Известия Академии Наук Эстонской ССР», Т. VIII, серия общественных наук, Таллин, 1959, № 2, стр. 170—177.
3. Lühike ülevaade udmurdi murrete uurimise ajaloost (Краткий очерк истории изучения удмуртских диалектов) — на эстонском языке, резюме на русском языке. «Emakeele Seltsi Aastaraamat» IV, Tallinn, 1959, стр. 299—311.
4. Образцы урсыгуртской речи удмуртского языка. «Труды по языкознанию». — Записки Тартуского государственного университета, выпуск 77, Тарту, 1959, стр. 45—55.
5. О первой научной грамматике удмуртского языка. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР, Ижевск, 1959, выпуск девятнадцатый, стр. 149—166.